

БАЛЛАДА. К СТРУКТУРНЫМ ОСНОВАМ ЭТНОПОЭТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ЛЕЗГИНСКОГО НАРОДА 1960–1980-Х ГОДОВ

В 1960–1980-е годы строительство социалистического социума вступает в завершающую стадию. Этот процесс был сопряжен с рационализацией ментальных конструкций творческого сознания, что обеспечило смысл полноты идентичности поэтического духа, обращенного уже к всеобщим смыслам бытия. Актуальность всеобщих смыслов обозначила условия расширения жизненного пространства этнопоэтического сознания лезгин, которое уже открывается к жанровым и строфическим формам восточных и западных систем стихосложения. Этим и вызвано активное обращение лезгинских поэтов к жанру баллады, исследованию которого и посвящена данная статья.

Ключевые слова:

баллада, жанровая конструкция, лезгинский народ, этнопоэтическое сознание, 1960–1980-е годы.

Бедирханов С.А. Баллада. К структурным основам этнопоэтического сознания лезгинского народа 1960–1980-х годов // Общество. Среда. Развитие. – 2017, № 3. – С. 26–29.

© Бедирханов Сейфеддин Анвер оглы – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Дагестанский научный центр РАН, Махачкалаа; e-mail: bedirhanov@mail.ru

В 1960-х годах завершаются процессы выстраивания институциональных основ социалистического государства, результатом чего стало высвобождение целого потока энергии, которая направляется на производство новых смыслов социалистической идентичности. Устойчивость этих смыслов привела к локализации жизненного пространства коллективного сознания, импульсивные ритмы которого и явились катализатором мощных созидательных сил, обеспечивших динамичное социально-экономическое развитие страны. Это обозначило актуальность индивидуально заданных духовных императивов, располагающих бытийными смыслами человеческого существования.

Схватывание бытийных смыслов в символических реалиях духовной жизни обеспечило условия рационализации ментальных конструкций творческого сознания, следствием чего и явились возможности обращения к устойчивым, универсальным, вневременным парадигмам общественного бытия. Эти возможности определяют актуальность исторически фиксированных форм бытия, через которые страницы прошлого встраиваются в ритмы настоящего.

Тотальная рефлексия на историческое прошлое указывает на возросший интерес «литературы к национальной истории, ее героическим и трагическим страницам, осмыслению жизнь человека в пограничных ситуациях, трагических коллизий, к острым проблемам добра и зла, верности и корыстолюбия, самоотверженности

и вероломства, правды и лицемерия» [3, с. 92]. Это и явилось причиной столь широкого распространения жанра баллады в дагестанской, в том числе и лезгинской, литературе, который «представляет собой крупные и многообразные идейно-тематические циклы, в которых осмысливаются события исторического прошлого, борьба его народов за национальную и социальную свободу, героические деяния его сыновей, создаются образы ярких и значительных личностей, акцентируется внимание на чрезвычайных и неординарных событиях жизни» [3, с. 92].

В лезгинской литературе к жанру баллады обращается известный поэт Алирза Саидов. Баллада занимает особое место в творчестве поэта, она определяет суть его творческого явления.

Композиционные характеристики баллады А. Саидова «Саидан вилер» («Глаза Саида») определены историческим событием. В «Рассказе о себе» Сулейман Стальский открывает следующие трагические страницы жизни лезгинского ашуга XVIII в. Саида из Кючхюра. «Когда-то давно в Кюринских горах жил у нас владетельный хан Мурсал. При нем был поэт, бедный ашуг Саид из Кючхюра. Слава Саида шла далеко, а хан не любил, чтобы при нем о других говорили хвалебное. Он скучал. Позвали ашуга.

– Пой, – сказал хан, у которого было восемь жен, и который скучал на этом свете. Саид спел.

– Ты хорошо, кажется, спел, – сказал хан. Ты мастер, конечно, но почему ты смотришь

так дерзко? Ведь здесь присутствуют мои жены... и выколол глаза ашугу» [5, с. 387].

Причины такого сурового наказания ашуга исследователь лезгинской литературы Г.Г. Гашаров видит в том, что «как большой поэт Саид не мог не говорить правду в своих стихах, не отразить противоречия своей мрачной эпохи. Его песни приводили ханов в бешенство. Правитель Кюры Сурхай-хан II, как об этом повествует народная молва, решил расправиться с сочинителем «дерзких» песен. По его приказанию ашуга заковали в кандалы, привели на ханский двор и там выкололи глаза. Но Сурхай-хану и этой жестокостью не удалось заглушить голос народного певца. Ашуг обретает еще большую славу в народе, в его стихах появляются <...> бунтарские мотивы» [2, с. 47].

В балладе А. Саидова драматический след в судьбе ашуга Саида выведен из бытийного основания его личности и переведен в нравственное поле общественного (народного) бытия, вследствие чего выделяются некие моральные установки определенного исторического периода, которые не соответствовали нравственным запросам создавшегося нового поколения социалистического государства: */А вилериз кIвахна кьел, / Гьинва вун, зи халкъ?! / Русвагнава намусдин кьиб, / Амачни кьегьал?! / ТахайтIа куь вирибурун / Бурькьюь я вилер, / Аквазвачни ивидавай / Кьурагьрин виер* [6, с. 12]?! (*/ В те глаза посыпали соль, / Ты где, мой народ?! / Посрамили чести колыбель, / Нет ли героя?! / Или у вас, у всех / Слепота, / Не видите в крови / Озера Кураха*)? * Потому в отвержении этих установок мыслящее сознание преследует цель удержать субъективность собственной самости в пределах смысловых устоев господствующей идеологии.

Сущностные характеристики господствующей идеологии удостоверяют нравственную суть мыслящего сознания, в которой уничтожено грамматически оформленное активное лирическое начало. Это делает несущественным протяженность, отделяющую настоящее от эпохи Саида, в результате чего становится возможным освещать содержание субъективности ашуга XVIII века: */ Хкажжава Саида кьил, / Гьиле кьазва саз: / «ИкI яшаммиш хьайитIа мад, / Лянет хьурай заз! / Ни тунa ви кIарабда кичI, / Шарвилидин эл? (/ Поднимает голову Саид, / Берет в руку чунгур: / «Если так и дальше жить, / Пусть проклинают меня! / Кто напугал вас до костей, / Потомки Шарвили?)*

Однако следует отметить, что объективированная в речи субъективность образа Саида существенна в переживании настоящего («теперь»). Сами субъективные характеристики образа равнодушны к темпоральным ритмам настоящего времени, которые могут удержать субъективность только мыслящего, рефлектирующего сознания (которое присуще только лирическому «Я»). Потому слова, приписываемые Саиду, содержат «не существующее в природе особое качество» [4], а именно нравственность, которая есть «априорное знание (со-знание или со-весть) о добре и зле, способность выносить моральные суждения, потребность в жизни, в добре, любви и красоте. Но поскольку в природном мире нравственности нет, она, таким образом, в определенном смысле слова сверхприродна, или сверхъестественна – так же, как и свобода» [4].

В сверхприродности и сверхъестественности нравственного содержания интегрируются субъективные основания личности и лезгинского ашуга XVIII века, и автора анализируемого произведения в единую этническую целостность (народ), которая в своей исторической устойчивости равнодушна к проблемам субъективности. Этим и объясняется то, как в ценностных императивах «совести» народа происходит унификация проблемных характеристик творческой субъективности XVIII и второй половины XX веков, высвечивающая отрицание творческим сознанием системных определений организации государственного строя.

Если творческая мысль эпохи Саида из Кючхюра могла реализовать себя как внесистемная сила, то субъективность творческого сознания в эпоху социализма всецело определялась системными характеристиками советского государства. Потому произведение завершается словами, подчеркивающими системную определенность творческой мысли, ставшей уже равнодушной к условиям породившим бытийную драму Саида: */ <...> Чи намусдин гуьзгуь тушни / Саидан вилер – / Гьавилляй кье экуь тушни / Кьурагьрин виер!* (*/ <...> Не зеркало ли нашей совести / Глаза Саида – / Не потому ли сегодня светятся / Озера Кураха!*).

Включение исторического события в поэтическую конструкцию как одну из ее структурных доминант делает необходимым унификации процессуальных характеристик исторического и настоящего, что возможно в измерениях единого времени.

* Здесь и далее подстрочные переводы принадлежат автору.

28 | Присутствие в настоящем содержательных характеристик прошлого, исторического делает неустойчивыми временные измерения настоящего. В результате снимается смысл присутствия лирического «Я», в определенности пространственно-временной структуры которого удостоверяется устойчивость темпальных структур настоящего. Однако неустойчивость интенциональных процессов настоящего устраняется обращенностью к исторической судьбе целого народа, который равнодушен к индивидуальной определенности собственного внутреннего бытия.

В стихотворении А. Саидова «Лянет» («Проклятие») жизненный порядок духа определяет моральное содержание, которое равнодушно к сущности этнически определенного лирического начала. Внутренняя целостность этого начала обусловлена духовными интенциями «Я» – субъекта, образная данность которого содержит субстанциональную определенность горца. Образ горца в этой определенности активен в качестве грамматически оформленного субъектного начала, достоверность которого выдает речевая характеристика, содержащая внутренний монолог горца.

Стихотворение начинается с прямой речи, характеризующей внутренний мир горца: *«Ирид югъ я кВализ мугъман татана, / АкI хъайила ирид бахт зав агакънач. / Иридра зи никIер харци гатана, / Ирид касдин дерт алудиз алакънач»* – / Лугъуз, дагъви акъвазнавай къапудал <...> [6, с. 20]. / («Уже семь дней как в дом не заходит гость, / Поэтому семь радостей не дошли до меня. / Семь раз мои пашни побил град, / У семерых людей не сумел отогнать печаль!» – / Говоря, горец стоял у ворот <...>).

Внутренний монолог, занимающий почти все информационное пространство произведения, проявляет обусловленность чувственного мира главного героя устойчивыми императивами горского этикета. Поскольку этикет зафиксирован веками сложившиеся традиции, определяющие особенности взаимоотношений между людьми, то его нарушение выталкивает индивида из упорядоченных структур жизнедеятельности горских народов. Монолог горца прерывается словами автора, несущими нагрузку событийного содержания. Объективность этого содержания делает возможным включение в текст произведения некоего неопределенного лица, присутствие которого выдает условия конструирования диалогического поля. Именно в диалоге между неопределенным лицом и горцем удостоверяется приоритет

традиционной этической модели над другими социальными формами жизнеобеспечения общности горских народов.

Из слов собеседника горец узнает, что пока его не было дома, сын не пустил домой кунака, потому народ проклинал его дом. Ответ горца материализует обостренное чувство справедливости, обусловленное необходимостью соответствия мировоззренческих ориентиров горцев с условиями жизни: *«Хъайи кардин гъавурда зи авачир, / Виш йисуз за хвена хуьре адалат. / Акунач югъ гъамни шадвал галачир, / И кВале за алчах хуиз фу гана, / ЯтIа квахърай и кВал дагъдин синелай! / Квахърай хвани, – зи рикI адан цIу кана, – / Эгер мугъман чукурнатIа гъенелай. (– Я не понимал, что происходит, / Сто лет я сохранял справедливость в селе. / Не видел дня без горя и радости, / В этом доме я кормил подлого сына, / Тогда пусть исчезнет этот дом с гребня горы! / Пусть пропадет и сын, – он опалил мое сердце своим огнем, – / Если [он] выгнал гостя со двора»*.

Стихотворение «Лянет» («Проклятие») имеет композиционную структуру баллады, содержательная конструкция которой обусловлена активностью исторического времени. Растущий уровень творческой рефлексии на историческое прошлое свидетельствовал о все более усугубляющемся в 1970-х годах кризисе ценностных устоев социалистического строя.

Таким образом, процесс становления институциональных структур Советского государства имел своим логическим завершением формирование сущностных характеристик системной целостности, которая уже с 1960-х годов выдавала устойчивость базовых параметров социалистического социума. Это было и следствием постепенного усложнения его структурных смыслов, обозначившего условия ухода творческого сознания от ценностных императивов коллективного бытия. Действенность этих условий открывала творческой мысли новые грани идентичности, доставляющие идею всеобщности ее бытия.

Обращение к всеобщим явлениям бытия было индивидуально мотивировано данными духовными интенциями поэтического духа, определявшими общие тенденции развития послевоенной литературы дагестанских народов. В результате в «литературе стали утверждаться мотивы несовершенства жизни, сомнений, поисков нравственных ценностей и истин. Постепенно стали возвращаться в литературу, в первую очередь – в поэзию, традиции философского осмысления жизни как

сплетения противоречий. И поиски ответов на философские вопросы. Стремление к постижению истин уже приводило авторов к вопросам социальным, к следующему этапу осмысления противоречий и их истоков, охватывающему 60–80 годы XX века» [1, с. 16–17].

«Поэтическая разработка» универсальных, всеобщих проблем обозначила условия расширения жизненного пространства духа. Как следствие, этнопоэтическое сознание лезгин открывается к структурным смыслам традиционных жанров, в том числе и баллады.

Список литературы:

- [1] Гаджиева З.З., Гаджихмедова М.Х. История аварской советской литературы (1920–1950 гг.). – Махачкала: ДГУ, 2004. – 372 с.
- [2] Гашаров Г.Г. Лезгинская ашугская поэзия и литература. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1976. – 160 с.
- [3] Дагестанская литература: Закономерности развития (1965–1985) / Отв. ред. Ч.С. Юсупова. – Махачкала: ДНЦ РАН. 1999. – 456 с.
- [4] Киселев Г.С. Религиозные смыслы мира человека. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=317&Itemid=52 (02.04.17)
- [5] Рассказ Сулеймана о себе // Сулейман Стальский. Сочинения / Пер. с лезгинского. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1964. – 463 с.
- [6] Саидов А. Двенадцатая книга. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1975. – 186 с. (На лезг. яз.)